

А как падала погодушка да со синя моря,
А со синя морюшка с Корсуньского
А со дожджами-то, с туманами.
А в ту-ту погоду синеморскую
Заносила тут неволя три черненых три-то карабля
Что под тот под славен городок под Корсунь жа,
А во ту-то всё гавань всё в Корсуньскую.
А во том-то городе во Корсуни
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича,
Как ни князя не было и ни княжевича;
Тут жила-была Маринка дочь Кайдаловна,
Она, б..., еретица была, безбожница.
Они как ведь в гавни заходили, брала пошлину,
Паруса ронили – брала пошлину,
Якори-ти бросали – брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали – брала пошлину,
А как в шлюпочки садились – брала пошлину,
А к мосту приставали – мостову брала,
А как по мосту шли, да мостову брала,
Как в таможду заходили, не протаможила;
Набирала она дани-пошлины немножко-немало – сорок
тысячей.
А да взяла она трои рукавочки,
Что да те трои рукавочки, трои перчаточки;
А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А вышиваны-то были красным золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
А как всажено было камень самоцветное;
А как первы-то перчатки во пятьсот рублей,
А други-то перчатки в целу тысячу,
А как третьим перчаткам цены не было.

Везены эти перчатки подареньице
А тому жо ведь князю всё Володьему.
Отбирала эти черны карабли она начисто,
Разгонила она трех младых корабельщичков
А как с тех с черных с трех-то караблей,
Она ставила своих да крепких сторожов.
А как корабельщички ходят по городу по Корсуню,
Они думают-то думушку за единую,
За едину-ту думу промежду собой.
А да что купили они чернил, бумаг,
А писали они да ярлыки-ти скорописчаты
Что тому же князю Глебову Володьему:
«Уж ты гой, ты князь да Глеб ты сын Володьевич!
Уж как падала погодушка со синя моря,
Заметало нас под тот жо городок под Корсунь жо.
А во том жо было городе во Корсуни
Ни царя не было, ни царевича,
Ни короля-то не было и ни королевича,
А ни князя не было, и ни княжевича;
Как княжила Маринка дочь Кайдаловна;
Она, б..., еретица была, безбожница.
А мы как ведь в гавань заходили, брала с нас ведь пошлины,
А ведь как паруса ронили, брала пошлину,
Якори-ти бросали – брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали – брала пошлину,
Уж мы в шлюпочки садились – брала с нас ведь пошлину,
А как к плоту приставали, плотово брала,
А ведь как по мосту шли, дак мостово брала,
А в таможную заходили – не протаможила;
Да взяла она дани-пошлины сорок тысячей,
Да взяла у нас трои перчаточки –
Везены были, тебе, князю, в подареньице:

А как первы-то перчатки во пятьсот рублей,
А вторы-то перчатки в целу тысячу,
А третьим перчаткам цены не было».
Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глебову Володьеву.
А тут скоро пришли ярлыки к ему,
Он их скоро распечатывал, просматривал.
Как его жо сердце было неуступчиво;
Разъярилось его сердце богатырское,
А он скоро брал свою-то золоту трубу разрывчату,
Выходил-то скоро на красно крыльцо косищато,
Он кричал-то, зычал зычным голосом,
Зычным голосом да во всю голову:
«Уж вы гой еси, дружины мои хоробрые!
Уж вы скоро вы седлайте-уздайте добрых коней,
Уж вы скоро-легко скачите на добрых коней,
Выезжайте вы скоро да на чисто поле».
А как услыхала его дружья-братья-товарищи,
Они скоро-то добрых коней да собирали же,
Выседлали-уздали они добрых коней
Да скоро садились на добрых коней,
А из города поехали не воротами,
Не воротами-то ехали, не широкими,
А скакали через стену городовую.
Выезжала-се дружина на чисто поле,
А как съехались дружины тридцать тысячей.
Выезжал-то князь Глеб-сударь Володьевич,
Со своей дружиночками хоробрыми;
Прибирал он дружью-ту, дружины все хоробрые,
Чтобы были всё да одного росту,
А да голос к голосу да волос к волосу;
А из тридцать тысяч только выбрал триста добрых молодцов,

Их-то голос к голосу да волос к волосу.
«Уж вы поедemте, дружина моя хоробрая,
А ко тому-то славну городу ко Корсуню,
А ко той жо ти Марине дочери Кайдаловне,
А ко той Маринке, еретице, б..., все безбожнице».
А как сaдилиcь они скоро на добрых коней,
А поехали они путем-дорогою.
Как доехали они до города до Корсуня,
Стaновил-то Глеб своего добра коня:
«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Сходите вы скоро со добрых коней,
Стaновите вы шатры полотняны,
А да спите-тко, лежите во белых шатрах,
А держите караулы крепкие и стрoгие;
Уж вы слушайте – неровно-то зазвенит да моя сабля,
Заскрипят да мои плечи богатырские, -
Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,
А скачите вы через стену городовую,
Уж вы бейте-ко по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена.
Я как поеду теперече ко городу ко Корсуню,
К той Маринке дочери Кайдаловне».

Подъезжает Глеб под стену ту
Да под ту жа башню наугольную;
Закричал-то он зычным голосом:
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты обрала у мня да черны карабли,
Ты зачем жа у мня сгонила с караблей моих трех-то
корабельщиков,
А на что поставила да своих караульщиков?»
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;

Скоро ей седлали, уздали всё добра коня;
Выезжала она на ту же стену городовую:
«Здравствуй-ко, Глеб, ты князь да сын Володьевич!» –
«Уж ты здравствуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты у меня взяла мои-то три-то карабля,
А сгонила моих трех-то корабельщичков со караблями?» –
«Уж ты гой еси, ты князь да сын Володьевич!
Я отдам тебе три черненых три-то карабля;
А да только отгани-тко три мои загадки хитромудрые, -
Я отдам тебе-то три черненых карабля». -
«Только загадывай ты загадки хитромудрые;
А как буду я твои загадочки отгадывать». -
«А как перва-та у меня загадка хитромудрая:
Еще что же в лете бело, да в зимы зелено?»
Говорит-то Глеб да таковы речи:
«Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая,
А твоей глупе загадки на свете нет:
А как в лете-то бело – Господь хлеб дает,
А в зимы-то зелено – да тут ведь ель цветет». -
«А загану тебе втору загадку хитромудрую:
А что без кореньица растет да без лыж катится?» –
«Без кореньица растут белы снега,
А без лыж-то катятся быстры ручьи». -
«Загану тебе третью загадку хитромудрую:
А как есть у вас да в каменной Москвы,
В каменной Москвы да есть мясна гора;
А на той на мясной горе да кипарис растет,
А на той парисе-дереве сокол сидит». -
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Не хитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупе на свете нет:
Как мясна-то гора – да мой ведь добрый конь,

Кипарисово дерево – мое седельшко,
А как соловей сидит – то я, удалой добрый молодец». -
«Я теперече отсыплю от ворот да пески, камешки,
А сама-то я, красна девица, за тебя замуж иду».
Как поехала Маринка с той стены да белокаменной,
Приезжала к себе да на широкий двор,
Наливала чару зелена вина да в полтора ведра,
А да насыпала в чару зелья лютого,
Выезжала на ту жо стену городовую,
Подавала Глебушку она чару зелена вина:
«Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!»
А как принимается-то Глеб да единой рукой,
Еще хочет он пить да зелена вина;
А споткнулся его конь на ножечку на правую,
А сплескал-то чару зелена вина
А да за тою да гриву лошадиную.
Загорелась у добра коня да грива лошадиная.
А как тут да Глеб испугался жа,
А бросал-то чару на сыру землю;
Еще как тут мать сыра земля да загорелася.
А как разъярилось его сердце богатырское,
А стегал он добра коня да по крутым бедрам;
Как поскачит его конь во всю-ту прыть да лошадиную
А как скакал с прыти его добрый конь да через стену
городовую,
А состиг-то ей, Маринку, среди двора,
А отсек тут ей, Маринке, буйну голову;
А как тут Маринке и смерть пришла.
Смерть пришла ей да среди двора.